

Кинев Сергей Леонидович

ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ 1280-Е – 1460-Е ГГ.

Специальность – 07.00.02

Автореферат
диссертации на соискание ученой
степени кандидата исторических наук

Научные руководители:
доктор исторических наук,
профессор А.Н. Жеравина,
кандидат исторических наук,
доцент А.Н. Котляров

Томск – 2003

Диссертация выполнена на кафедре отечественной истории Томского государственного университета

Научные руководители

доктор исторических
наук, профессор
А.Н. Жеравина

андидат исторических
наук, доцент А.Н. Котляров

Официальные оппоненты

доктор исторических наук
А.Н. Садовой

кандидат исторических
наук Т.Ю. Назаренко

Ведущая организация

Томский государственный
педагогический
университет

Защита состоится «26» декабря 2003 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д. 212.267.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальностям 07.00.02 – Отечественная история, 07.00.03 – Всеобщая история, 07.00.09 – Историография, источниковедение, методы исторического исследования. С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ТГУ.

Автореферат разослан «25» ноября 2003 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
доктор исторических наук
профессор,

О.А. Харусь

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблемы. В настоящее время в отечественной исторической науке происходит пересмотр позиций по ряду вопросов, касающихся возвышения Москвы и образования единого государства. Всерьез рассматривается вопрос о влиянии войн на историю России. Интерес к нему вызван тем, что военная деятельность является одним из основных проявлений человеческой активности и составляет часть человеческой культуры в широком смысле слова, в силу чего она оказывает влияние на мировосприятие. Будучи включенными в картину мира, в культурные установки, войны оказывали и оказывают, серьезное влияние на историю обществ и государств. Применительно к русской истории XIV-XV столетий значительное влияние военного фактора на политическую эволюцию Северо-Восточной Руси и изменение статуса Москвы отмечается как историками, так и социологами. Однако, хотя принято стало считать, что война сыграла значительную, если не гипертрофированную роль в истории Московского княжества, эти заключения сделаны а-приори и требуют либо подтверждения, либо опровержения, либо уточнения. Во всяком случае, необходимо обобщение имеющегося по данному вопросу материала.

Работа, посвященная роли военной активности в истории Московского княжества, тем более необходима, что рассматривая ее через призму войны, можно выйти на рассмотрение ряда более общих вопросов: закономерности или случайности объединения Руси именно вокруг Москвы, закономерности или случайности самого объединения в XV в.

Хронологические рамки. Исследование охватывает период от первого упоминания о московском князе в летописи, связанного к тому же с войной, до изменения целей политики, и, как следствие, войн, ставших в правление Ивана III объединительными и по настоящему международными.

Объект исследования - политика московских князей, в частности ее военные аспекты, от основания княжества до начала образования единого Московского государства, в их связи с принципами междукняжеских отношений.

Степень изученности проблемы. Первым исследователем, так или иначе коснувшимся военного аспекта средневековой русской истории, был Н.М. Карамзин¹. Войны получили объяснение с точки зрения понятия о государственной пользе. Борьба династов характеризуется им как междуусобицы, не приносящие ничего, кроме анархии и разорения. Это не мешало придворному историографу пытаться анализировать причины действий конкретных князей.

Нужно отметить, что оценка деятельности московских князей выпадает из негативной в целом картины междукняжеских отношений. Представители этой ветви Рюриковичей предстают как государственные деятели серьезного уровня, преследующие единственные из многих стратегические цели и общественную пользу. Любая деятельность московских князей, в том числе и военная, характеризовалась автором как объединительная.

С.М. Соловьев дал оценку характера войн. Он обратил внимание на особую роль военного фактора на первом этапе существования Московского княжества. Дальнейшая деятельность московских князей, в том числе и военная, рассматривается как выражение более или менее сознательного стремления к объединению русских земель.

Особый интерес представляет проведенный исследователем анализ военного искусства, тактики, характерной для средневековых войн на Руси, характеристика военной организации².

Хотя военная история как таковая не входила в сферу интересов представителей «юридической школы» (М.Ф. Владимирский-Буданов, И.В. Сергеевич), однако они, касаясь междукняжеских отношений, отношений князей и земли, косвенно характеризуют действия князей и объясняют возможные мотивы их военной деятельности.

Характеристика военно-политической активности московских князей в общих чертах была дана В.О. Ключевским³. Не вдаваясь в детали фактической истории, исследователь создал образ довольно агрессивных династов, хватающих «все, что плохо лежит». Кроме того, анализируя методы политического действия «собирателей русских земель», он включил военные захваты в число пяти основных политических инструментов. Таким образом он указал на основную черту политики московских князей в начальный период их деятельности – агрессивность.

А.Е. Пресняков, как и многие другие исследователи, касается отдельных войн, характеризуя их в связи с междукняжескими отношениями. Кроме того, автор был первым и долгое время единственным, кто трезво оценил результаты Куликовской битвы. Он указал на то, что битва не была переломом в русско-татарских отношениях⁴.

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1992. Т. IV. 1993. Т. V.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. В 29 кн. Кн. 2. М., 1988.

³ Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций. В 2-х кн. Кн.1. М. – Минск, 2000.

⁴ Пресняков Е.А. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII-XV столетий. Пг., 1918.

М.К. Любавский обратил внимание на важность военной составляющей в деятельности, по крайней мере, первых московских князей⁵. Исследователь пришел к выводу о том, что именно ущемленность в правах в начале XIV в. послужила толчком к их активной военной политике.

На некоторое время средневековая русская история практически перестала быть объектом исследований и лишь на рубеже 1930-х – 1940-х гг. начинают публиковаться первые работы. В их числе можно упомянуть статью Д.Н. Альшица, посвященную Куликовской битве⁶.

В это же время С.Б. Веселовский, в работах, опубликованных значительно позднее, коснулся ряда частных моментов династических войн второй четверти XV в. Он вслед за А.Е. Пресняковым писал о противоборстве двух тенденций политического развития Северо-Восточной Руси. Оценка династических войн в целом была несколько противоречивой. С одной стороны, автор говорил о том, что среди участников войны не было ни принципиальных сторонников удельной системы, ни противников единой державы, соперники просто спорили о правах, но, с другой утверждал, что династические войны были борьбой «удельных княжат» против единой державы⁷.

В ряде работ, посвященных истории Москвы, М.Н. Тихомиров касается событийной стороны военной политики московских князей: московско-тверской борьбы в начале и второй половине XIV в., Куликовской битвы, в меньшей степени династических войн второй четверти XV в.⁸

Ситуация несколько изменяется с выходом первой более чем за сорок лет капитальной монографии. Исследование Л.В. Черепнина написано в заданном, соответствующем времени, идеологическом ключе. Тем не менее, по ряду вопросов автор сделал ценные замечания относительно характера и особенностей отдельных войн с участием Москвы в XIV-XV вв., в том числе и роль различных слоев населения в этих событиях, став, по сути, первым исследователем, не ограничившимся простым пересказом и давшим анализ событий⁹.

И.Б. Греков, изучая историю международных отношений в Восточной Европе, в общих чертах коснулся характера, целей и результатов военной деятельности Московского княжества. Войны с Литвой исследователь оценивал как борьбу за право объединить русские земли¹⁰.

В дальнейшем, в связи с 600-летним юбилеем Куликовской битвы историки продолжали обращаться к вопросам, имеющим отношение к военной истории лишь в связи с деятельностью князя Дмитрия Ивановича или еще уже, в связи с самой битвой¹¹.

А.А. Зимин в работе, посвященной династическим войнам второй четверти XV в. одним из немногих, а в советской историографии – единственный, обратил внимание на своеобразие природы этих войн в сравнении с войнами за великое княжение в XIV в.: на то, что это уже была война между московскими князьями. Помимо этого, важным является анализ классических «предпосылок возвышения Москвы», показавший их несостоятельность. Это способствовало постановке вопроса о роли войны в образовании русского государства¹².

Г.В. Семенченко, посвятил свои работы изучению условий начала династических войн и московско-тверским отношениям¹³.

Для постсоветской историографии истории Северо-Восточной Руси XIV-XV вв. и московского княжества в частности, характерны немногочисленные попытки пересмотреть традиционные взгляды на широкий круг вопросов средневековой русской истории.

⁵ Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929.

⁶ Альшиц Д. Роль Куликовской битвы в определении национального сознания русского народа // Ученые записки ЛГУ. №36. Серия исторических наук. Вып. 3. Л., 1939. С. 110-123.

⁷ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

⁸ Тихомиров М.Н. Древняя Москва. Москва на перекрестке международных путей. М., 1992; Он же. Средневековая Москва в XIV-XV веках. М., 1957.

⁹ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. XIV - XV вв. Очерки социально-экономической и социально-политической истории Руси. М., 1960.

¹⁰ Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV-XV вв.). М., 1975; Он же. Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы конца XIV в. // Куликовская битва. М., 1980. С. 113-141; Он же. Очерки по истории международных отношений в Восточной Европе XIV-XVI вв. М., 1963.

¹¹ Бескровный Л.Г. Куликовская битва // Куликовская битва. С. 214-245; Кучкин В.А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. С. 26-112.

¹² Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV века. М., 1991.

¹³ Семенченко Г.В. Московско-тверской договор второй половины 30-х годов XV в. // Исследования по источниковедению истории России до 1917 г. М., 1997. С. 4-15; Он же. Неизвестный сын Юрия Галицкого и политическая борьба на Руси в начале 30-х гг. XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Сб. 22. С. 188-193.

В.Н. Козин уделит внимание вопросу о характере и причинах династических войн в Московском княжестве второй четверти XV в. Исследователь подходит к этим войнам как к конфликту двух традиций наследования великокняжеской власти (о чем говорит в своих работах и С.А. Мельников), однако такая идея представляется спорной¹⁴.

Н.С. Борисов в монографии, посвященной политике московских князей в конце XIII - середине XIV выдвинул предположение о существовании у московских князей первой половины XIV в. политической доктрины – доктрины «тихой экспансии». Таким образом, проводится мысль о преобладании невоенных методов действия в арсенале первых московских князей. В то же время автор отметил и их военную мощь. В отдельных моментах автор коснулся и вопросов тактики, принятой на Руси в начале XIV в.¹⁵

В диссертации А.С. Фетищева, содержатся некоторые замечания по военной истории Московского княжества рубежа XIV – XV вв., так автор коснулся целей московских князей в войне с Новгородом в 90-х гг. XIV в. и вопроса о планах Тимура в отношении русских земель.

В традиционном ключе осветил вопрос о деятельности Михаила Ярославича Тверского в его противоборстве с Юрием Даниловичем В.А. Кучкин, добавив, однако массу немаловажных деталей, обогащающих картину деятельности соперников. Подробно исследованы им периоды правления московских князей Даниила Александровича и Дмитрия Ивановича¹⁶.

Исследование А.А. Горского, посвященное отношениям московских князей с Ордой позволило отойти от оценки русско-татарских военных столкновений как борьбы Руси за независимость¹⁷.

А.В. Чернышев отметил сильные позиции тверского князя Бориса Александровича в середине XV в. при серьезном ослаблении Московского княжества в результате династических войн, предположив, что в 1452-1453 гг. у Твери было несколько возможностей захватить ослабевшую Москву¹⁸.

Ряд исследователей обратили внимание на поведение в войнах различных слоев населения. М.К. Любавский, С.Б. Веселовский, А.А. Горский отметили участие боярства в осуществлении военной политики и влияние этого общественного слоя на ее характер¹⁹.

Я.С. Лурье, Н.С. Борисов, Р.Г. Скрынников уделили некоторое внимание поведению духовенства главным образом в династических войнах второй четверти XV в.²⁰

Позиция горожан в междукняжеских конфликтах в некоторой степени отражена в работах У.И. Будовница, Л.В. Черепнина, А.А. Зимина, Н.С. Борисова²¹.

Традицию изучения военного искусства, заложенную еще в XIX в. в советский период продолжили военные историки А.А. Строков и А.Е. Разин²². Внимание исследователей было привлечено главным образом к Куликовской битве, рассматриваемой в качестве вершины военного искусства средневековой Руси. Такая же точка зрения сохранилась и в работах Н.А.

¹⁴ Козин В.Н. Феодалная война 1425-1453 годов. Историографическая традиция и попытки нового подхода // Вестник Челябинского университета. Сер. 1. История. 1994. №1. С. 57-62; Александров Д.Н., Мельников С.А., Алексеев С.В. Очерки по истории княжеской власти и соправительства на Руси X-XV вв. М., 1995; Мельников С.А. Формирование института соправительства в Московском государстве XV в. // Проблемы политической истории и историографии. М., С. 119-125; Мельников С.А. Наследование престола на Руси и принцип соправительства как факторы централизации // Вопросы истории. 2001. №11-12. С. 102-108.

¹⁵ Борисов Н.С. Иван Калита. М., ЖЗЛ. 1995; Он же Политика Московских князей. Конец XIII – первая половина XIV вв. М., 1999.

¹⁶ Кучкин В.А. Последний договор Михаила Ярославича Тверского // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. Мат-лы конференции, посвящ. 725-летию со дня рождения Михаила Ярославича великого князя тверского и владимирского. Тверь. 27-29 ноября 1996. Тверь, 1997. С. 29-73; Он же. Дмитрий Донской // Вопросы истории. 1995. №5-6. С. 82-93; Он же. Первый московский князь Даниил Александрович // Вопросы истории 1995. №1. С. 93-107.

¹⁷ Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000; Он же. Москва, Тверь и Орда. 1300-1339 гг. // Вопросы истории 1995. №4. С. 34-46; Он же. Московско - Ордынский конфликт начала 80-х годов XIV века: причины, особенности, результаты // Отечественная история. 1998. №4. С. 15-24; Он же. Политическая борьба на Руси в конце XIII века и отношения с Ордой // Отечественная история. 1996. №3. С. 74-92.

¹⁸ Чернышов А.В. Очерки по истории Тверского княжества. Тверь, 1996.

¹⁹ Веселовский С.Б. Указ. соч.; Горский А.А. К вопросу о причинах «возвышения» Москвы // Отечественная история 1997. №1. С. 3-12; Он же. Москва и Орда; Любавский М.К. Указ. соч.

²⁰ Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе, XIV-XV вв. М., 1986; Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994; Мельников С.А. Об отношениях великокняжеской власти с Троице-Сергиевым монастырем в период феодалной войны (40-е гг. XV в.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. №2. 1993. С. 27-34. Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV-XVI вв. Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. Он же. Крест и корона: церковь и государство на Руси IX-XVII вв. СПб. 2000; Он же. Третий Рим. М., 1994; Он же. Святители и власти. XIV-XVII вв. Л., 1990.

²¹ Борисов Н.С. Политика Московских князей; Будовниц И.У. Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV в. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XII. Л., 1956. С. 79-105; Зимин А.А. Указ. соч.; Черепнин Л.В. Указ. соч.

²² Разин А.Е. История военного искусства. М.: Воениздат, 1957. Т.2; Строков А.А. Военное искусство Руси периода феодалной раздробленности. М., 1949; Он же. История военного искусства. М., 1955. Т. 1.

Кирпичникова, Л.Г. Бескровного²³. Для их исследований характерен ряд таких общих черт, как утверждение о наличии пятичленной структуры войска, существование которой в действительности вызывает сомнения и характеристика социального состава русского войска в изучаемый период. Помимо анализа военного искусства как такового исследователи касались и политического контекста той или иной анализируемой битвы или войны.

В современной науке военный аспект истории Руси XIV-XV вв. в чистом виде представлен в недостаточной степени уже в силу интереса к одному конкретному событию²⁴. В работах В.А. Жгутова и А.Н. Саенко деятельность Михаила Ярославича Тверского оценивается как объединительная и национально-освободительная. При этом В.А. Жгутов, например, делает далеко идущие выводы на основе своеобразного анализа Бортевского сражения о том, что если бы не противодействие Юрия Даниловича Рюрик под главенством Твери избавилась бы от ига на рубеже 30-х – 40-х гг. XIV в. К сожалению, значительная часть работ вышеперечисленных авторов оказалась наполненной модернизацией прошлого.

Ю.Г. Алексеев, изучая развитие властного аппарата на Руси XIV-XV вв., обратил внимание и на вопрос о военной службе и военной организации в Московском княжестве. В частности, им рассматривается порядок подчинения бояр воеводам и его изменение в 70-х – 80-х гг. XIV в. на рубеже XIV-XV вв. Обратил внимание исследователь и на обстоятельства Суздальской битвы 1445 г.²⁵

Едва ли не единственным исследованием, выпадающим за рамки традиционной проблематики военной истории можно назвать небольшую по объему работу Ю.В. Селезнева, посвященную русско-литовской войне 1406-1408 г. и участию в ней татар²⁶.

Вновь появился интерес к изучению различных аспектов битвы на Дону. Взвешенные оценки и новый подход к источникам и самой битве привел к некоторому пересмотру представлений об этом событии: места битвы, численности и структуры войск, уточнен состав участников с русской стороны²⁷. Однако ряд моментов этого события требует рассмотрения или дальнейшего уточнения.

Вклад в изучение отдельных аспектов истории, в том числе военной, Московского княжества внесли зарубежные исследователи. Так Вернадский Г.В., рассматривая историю Руси в контексте ее отношений с Ордой и Литвой, отметил ряд частных моментов, способствующих лучшему пониманию характера войн²⁸.

Западногерманский историк Э. Клог, не вдаваясь в детали военных действий, предложил свой взгляд на характер войн, которые пришлось вести тверским князьям, в частности с Москвой²⁹.

Г. Алеф высказал ряд важных замечаний относительно московско-литовских и московско-татарских конфликтов в 1440-х гг. как начало очередного этапа династических войн в Московском княжестве³⁰.

Дж. Феннел дал общую характеристику междукняжеских отношений на рубеже XIII-XIV вв.³¹ Американский исследователь Т. Нунан обратил внимание на отношения между московскими князьями и влияние на политику Василия I ханов Золотой Орды на рубеже XIV-XV вв.³²

²³ Бескровный Л.Г. Указ. соч.; Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII - XV вв. Л., 1976; Он же. Факты гипотезы и заблуждения в изучении русской военной истории XIII – XV вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984 г. М., 1985. С. 229-243.

²⁴ Жгутов В.А. Многовековая тайна Твери. Системный взгляд на проблему локализации, масштабы, значимость Бортевского сражения 22 декабря 1317 г. Тверь, 1998; Малыгин П. Сражение 22 декабря 1317 года (Предпосылки, летописные источники и проблемы локализации) // Михаил Ярославич великий князь тверской и владимирский. Тверь, 1995. С. 329-352; Пономарев Г. Значение Бортевского сражения в судьбе тверского князя Михаила Ярославича // Михаил Ярославич великий князь тверской. . . С. 353-365; Саенко В.Н. «За други своя». (военно-исторический анализ Бортевской битвы) // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. Материалы конференции, посвященной 725-летию со дня рождения Михаила Ярославича, великого князя Тверского и Владимирского. Тверь. 27-29 ноября 1996 г. Тверь, 1997. С. 108-112 и др.

²⁵ Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства: Очерки развития аппарата управления XIV - XV вв. СПб., 1998.

²⁶ Селезнев Ю.В. Роль ордынского фактора в русско-литовской войне 1406-1408 гг. // Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов, контактные зоны. XI Чтения памяти Член-Корр. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва 14-16 апреля 1999 г. Материалы конференции. М., 1999. С. 90-92.

²⁷ Горский А.А. К вопросу о составе русского войска на Куликовом поле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. №4 (6). Декабрь 2001. С. 29-37; Петров А.Е. Куликово поле в исторической памяти: формирование и эволюция представлений о месте Куликовской битвы 1380 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. №3 (12). Сентябрь 2003. С. 22-30.

²⁸ Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь, М. 1997.

²⁹ Клог Э. Тверское княжество. 1247-1485. Тверь, 1994.

³⁰ Alef G. The battle of Suzdal in 1445. An episode in the Muscovite war of succession // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Bd. 25. Berlin; Wiesbaden, 1978. p. 11-20.

³¹ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200-1304. М., 1989. – 291 [1] с.

³² Noonan Th. Forging a National Identity: Monetary Politics During the Reign of Vasili I (1389-1425) // Московская Русь (1359-1584): культурное и историческое самосознание/Culture and identity in Moskov, 1359-1585/UCLA SLAVIC STUDIES New Series Vol.III M., 1997. С. 495-529

Вышедшая в России работа Э.Р. Дюпюи и Т.Н. Дюпюи в части, посвященной русской средневековой военной истории в основном повторяет тезисы А.Е. Разина и А.А. Строкова и так же не включает в себе новизны, в силу избранного жанра энциклопедии, не предполагающего самостоятельных разысканий³³.

Подводя итог, можно утверждать, что предпринятое многими исследователями изучение русской истории позволило рассмотреть ряд частных моментов военной активности московских (и русских в целом) князей, отдельные элементы тактики XIV-XV вв.

В то же время необходимо отметить, что некоторые традиционные представления о причинах, целях и характере войн нуждаются в пересмотре или дополнении.

Кроме того, в настоящее время в историографии остается открытым вопрос о междукняжеских отношениях, и в частности, о принципах наследования уделов и старшинства в роду (семье), что влияет на оценку сущности и характера военной политики в данный период.

Целью исследования является анализ военной составляющей политической деятельности московских князей в контексте междукняжеских отношений,

Для достижения цели необходимо решить ряд задач.

Во-первых, выявить основные принципы междукняжеских отношений. Во-вторых, определить характер военной активности: ее динамику, обстоятельства вызывающие всплески агрессии, причины, цели, масштабы войн и основные методы их ведения. В-третьих, выяснить степень влияния войн на политическую ситуацию в Северо-Восточной Руси, их результаты, как ожидаемые, так и побочные.

Источниковая база исследования. Наиболее информативным видом источников при изучении военного аспекта истории Московского княжества являются русские летописи. Отбор летописных источников производился в соответствии с результатами исследований М.Д. Приселкова, А.Н. Насонова, Я.С. Лурье.

Наиболее ранняя дошедшая до нас летопись – Лаврентьевская, созданная в 1377 г. и имеющая в своей основе общерусский Свод 1304-1305 гг. в некоторой степени проливает свет на деятельность первого московского князя.

Частично в выписках, сделанных Н.М. Карамзиным и в виде реконструкции, предложенной М.Д. Приселковым, дошла до нас Троицкая летопись. Это источник содержит в себе основной массив материалов по вопросу о военной и политической истории Руси в XIV - начале XV вв.

То же можно сказать и о Рогожском летописце, доведенном до 1412 г., сохранившимся в списке середины XV в. Он представляет тверскую редакцию Троицкой летописи. В статьях за 1327-1375, с перерывом (1361-1364 гг.), он содержит богатый тверской материал, позволяющий смотреть на деятельность Москвы с другой стороны.

Симеоновская летопись имеет своими источниками два летописных памятника. Для периода до 1390 г. включительно в основе нее, как и предыдущего источника, лежит тверская редакция Свода 1408 г. (списком которого и была Троицкая летопись). Источником второй части летописи стал московский великокняжеский свод конца XV в. Таким образом, Симеоновская летопись может служить одним из основных источников для большей части изучаемого в работе периода, как для XIV в., так и для середины XV в.

Упомянутые выше источники были использованы для восстановления канвы событий и норм политических отношений, а так же методов ведения военных действия и характера войн в кон. XIII - нач. XV вв.

Для изучения истории конца XIV – первой трети XV века важное значение имеют Софийская I и Новгородская IV летописи, в основе которых лежит Новгородско-Софийский летописный свод, составленный ориентировочно в 1410-1430-х гг. Эти летописи по характеру являются общерусскими, но выражают идею сохранения самостоятельности отдельных русских земель в сочетании с идеей единчества князей. Они содержат описание первых столкновений в династической войне второй четверти XV в.

Деятельность московских князей в 1420-1450-х гг. наиболее полно представлена в Волгодско-Пермской и Никаноровской летописях, восходящих к Софийско-Новгородскому своду, и Московский свод конца XV в. Именно в них содержится наиболее полное описание событий второй четверти XV в., в том числе и военных действий.

Своеобразный взгляд на историю Руси XIV-XV вв. содержится в Новгородской I летописи. Помимо новгородской позиции в вопросах взаимоотношений с великими, в том числе и московскими, князьями источник характеризует военные столкновения, объясняет их причины и дает нравственную оценку действий обеих сторон с точки зрения традиции. Кроме

³³ Дюпюи Э.Р., Дюпюи Т.Н. Всемирная история войн Харсперская энциклопедия военной истории с комментариями издательства «Политон». СПб.: 1997. Кн. 1, Кн. 2.

того, отдельные сведения, дополняющие общую картину междукняжеских отношений, связей Москвы с Псковом и московско-литовского соперничества на северо-западе Руси, содержатся в Псковских летописях.

При решении вопроса о характере вооруженных столкновений в период династических войн XV в. и анализе общеполитической ситуации в работе использовались Тверской сборник, Ермолинская и Львовская летописи.

Тверской сборник, созданный довольно поздно, в XVI в., возможно использовать, поскольку он содержит уникальный материал, дополняющий глухие намеки московских великокняжеских летописей, по поводу взаимоотношений московского и тверского князей в 1440-х – 1450-х гг.

Ермолинская летопись сохранила ряд известий так называемого независимого летописания северной Руси, в результате чего некоторые действия Василия II воспринимаются летописцем несколько критически. Аналогичная ситуация складывается и с Львовской летописью, так же сохранившей следы независимого летописания.

Отдельные эпизоды династических войн XV в. получили дополнительное освещение в Устюжском летописном своде.

Несмотря на позднее время создания и ярко выраженную общую тенденциозность источника при исследовании проблемы были использованы тверские известия в составе Никоновской летописи.

Помимо летописания Северо-Восточной Руси была использована Супрасльская летопись, проливающая свет на взаимоотношения и вооруженные столкновения Московского и Литовского княжеств в 1440-х гг.

Кроме политических моментов, летописи позволяют, хотя и в очень ограниченной мере, выявить представление других социальных групп о принципах наследования уделов и великого княжения. Это в некоторой степени позволяет определить степень участия разных слоев населения в междукняжеских конфликтах, том числе и вооруженных.

Для характеристики отдельных моментов во взаимоотношениях Дмитрия Ивановича Мамаем использованы фрагменты сочинений восточных авторов, представленные в «Сборнике материалов, относящихся к истории Золотой Орды» В.Г. Тизенгаузена, в частности Ибн Хальдуна, Абу-ар-Раззана Самарканди, Низам-ад-Дина Шами, Шереф-ад-Дина Йезди.

Использованный актовый материал: духовные и договорные грамоты князей, между великими князьями и митрополитами позволил решить ряд важных задач. Во-первых, эти источники дают возможность выяснить характер и принципы междукняжеских отношений в целом. Во-вторых, грамоты проливают свет на отдельные ключевые моменты отношений между представителями московского княжеского дома. Договоры с князьями соседних земель позволяют увидеть именно семейный характер княжеских отношений. Часть грамот позволяет высказываться о структуре и составе войска московских князей.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова дают возможность проследить эволюцию отношений великих князей с Новгородом и дополняют картину московско-новгородских отношений в XIV-XV вв.

Для уточнения вопросов о структуре войск в XIV-XV вв. и о причинах появления представлений о классическом делении войска Дмитрия Ивановича на пять полков были использованы Разрядные книги за 1475-1605 гг.

Методологическая база исследования. Война исследуется как проявление одного из аспектов средневековой культуры инаковой по отношению к культуре исследователя, но допускающей возможность диалога.

В качестве конкретного выражения данного подхода использован сформулированный Р. Ароном принцип легитимности, согласно которому изучать войны, возможно, лишь исходя из своеобразия политических норм и политической культуры и представлений о должном конкретных политических деятелей. Все войны «...сохраняют след принципа легитимности, господствующего на той территории и в то время, где и когда они ведутся», чем обусловлено характерное для данного исследования пристальное внимание к принципам и практике междукняжеских отношений.

Кроме того, при работе над диссертацией были использованы следующие методы исследования: историко-генетический, историко-сравнительный, позволяющие проследить принципы междукняжеских отношений.

Научная новизна исследования. Данное исследование впервые рассматривает войну в период усиления Московского княжества. В работе изучается характер (причин, целей методов ведения), войн и их роль в политической жизни Руси, в частности в формировании основ будущего единого Русского государства. Войны рассматриваются в контексте политики московских князей. В ряде случаев отмечается своеобразие восприятия войн и особенности их ведения. Предлагается новый взгляд на Куликовскую битву и, в связи с этим – на военное искусство, а так же иная трактовка ряда событий истории Московского княжества и Северо-Восточной Руси в целом.

Апробация и практическая значимость работы. Основные положения диссертации нашли отражение в пяти публикациях и были представлены на всероссийских и международных научных конференциях в Москве, Новосибирске и Томске.

Сделанные в диссертации выводы могут быть использованы при подготовке специальных и общих курсов по истории России, а так же для обобщающих работ по политической истории средневековой Руси.

Диссертация состоит из Введения, трех глав и Заключения и разделена на главы по хронологическому принципу.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во **Введении** обоснована актуальность темы исследования, сформулированы цель и задачи исследования, показаны научная новизна, практическое значение, методологическая основа исследования, степень изученности проблемы, дана характеристика источников.

В первой главе – «От основания княжества к великому княжению. 1282 - 1359 гг.» рассматриваются вопросы, связанные с ролью военной силы в усилении политических позиций московских князей от образования Московского княжества до первого в истории московского княжеского дома кризиса великокняжеской власти. Определяются преобладающие цели, достигаемые силой оружия, и исходя из этого характер войн и их влияние на политический статус московских князей в системе великого княжества Владимирского.

Первый раздел – «Начало Московского княжества и борьба за великое княжение: военные аспекты» посвящен периоду от первого военного выступления князя Даниила Александровича до последних походов Юрия Даниловича и его смерти.

Военная активность Даниила Александровича с самого начала была направлена на определение максимально высокого статуса молодого княжества и его закрепление. В процессе борьбы Даниил заявил претензии и на великокняжеский стол. Таким образом, практически все княжение Даниила является борьбой направленной на усиление его позиций как удельного князя и претендента на великое княжение. Однако его нельзя назвать возмутителем спокойствия, ибо проявления лояльности великим князьям так же не были редкостью.

Особняком в военной активности первого московского князя стоит поход на Рязань, приведший к смене в соседнем княжестве правителя и приобретению Коломны.

Характеризуя этот период в целом, можно говорить о том, что Москва практически во всех военных столкновениях с великими князьями и соседями удерживала инициативу в своих руках.

Далее в исследовании проводится анализ точек зрения на роль боярства в усилении мощи Московского княжества, из чего делается вывод о наибольшей убедительности позиции М.К. Любавского, утверждавшего не только роль бояр, но и влияние на активность князей их более или менее ущербного статуса в начале XIV в.

Анализируя характер московско-тверских войн начала XIV в. автор присоединяется к взгляду на них как на проявление борьбы за великое княжение со стороны Юрия Даниловича и стремление к приобретению уделов со стороны его младших братьев. При этом объектами посягательств стали города, некогда принадлежавшие Александру Ярославичу и его потомкам. Источники позволяют говорить о том, что местное население поддерживало претензии Даниловичей. Изучение военно-политической активности сторон позволило пересмотреть характер их деятельности. В данный период, как и ранее, москвичи удерживали в своих руках инициативу. Даже если военные действия начинал великий князь Михаил Ярославич, всегда можно увидеть предшествующие действия москвичей или новгородцев при явной или скрытой поддержке московского князя.

Второй раздел главы ««Бысть тишина 40 лет»: Укрепление великокняжеской власти и снижение военной активности» посвящен деятельности Ивана Калиты и его сыновей до 1359 г.

В данный период времени происходит изменение динамики и характера военных действий. Если в 1282-1303 гг. войны и дипломатические методы действия имели приблизительно равный удельный вес, а в 1304-1322 гг. преобладали, то в 1322-1361 гг. они носили явно подчиненный характер, и в правление Ивана Ивановича (1353-1359 гг.) Москва пережила всего два военных столкновения. Характерно, что падение военной активности приходится на период наибольшего усиления великокняжеской власти и позиции московских князей.

Основная масса войн имела в этот период характер демонстрации силы. Ряд походов, осуществленных московскими князьями, представлял собой полицейские акции, не лишённые, впрочем, пользы и для самой Москвы.

При изучении военных конфликтов данного периода бросается в глаза то, что они были своего рода дуэлями, которые велись по определенным правилам (простой обмен ударами, когда «потерпевшая» сторона наносила ответный удар ограниченной силы скорее для «сохранения лица», при этом объект мести не стремился к эскалации конфликта) и после осуществления мести, которая и была в данном случае непосредственной целью военного похода, фактически восстанавливался мир. Вопросы чести реализовывались в XIV в. не только в войнах между князьями, но в их отношении с Новгородом, свидетельством чего является конфликт между князем Семеном Ивановичем Московским и новгородцами.

Вторая глава - «Всплеск военной активности как проявление кризиса великокняжеской власти» посвящена периоду правления князей Дмитрия Ивановича и Василия I Дмитриевича. Здесь рассматриваются новый рост военной активности московских князей: его причины, цели и результаты.

В первом разделе - «Междукняжеские войны и кризис великокняжеской власти» анализируются причины, породившие каскад войн в княжение Дмитрия Ивановича Московского.

В связи с началом «замятни» в Орде исчезла одна из основ формального авторитета великого князя. Малолетство нового московского князя и претензии Дмитрия Суздальского так же не способствовали поддержанию порядка в междукняжеских отношениях. Однако кроме последнего никто не оспаривал права Дмитрия Московского. Однако маловероятно, чтобы в Москве рассматривали суздальского князя как серьезного конкурента.

Но вопрос об авторитете великого князя для Дмитрия Ивановича Московского сохранился и в последствии. Свидетельством этого является серия московско-тверских войн 1367-1375 гг. и так называемые «литовщины», ставившие под вопрос влияние великого владимирского (московского) князя в Северо-Восточной Руси. Очевидно именно с целью демонстрации власти московский князь вмешался в конфликт между тверскими князьями, впервые применив при этом военную силу, что повлекло втягивание в конфликт литовского князя Ольгерда.

Первые попытки московского князя решить вопрос об отношениях с тверскими князьями силой оружия не принесли результатов. Поэтому возникла идея третейского суда. И хотя суд превратился в произвол митрополита и великого князя можно утверждать, что и на этом этапе русской военной истории князья проявляли склонность к прагматическому сочетанию силовой политики со стремлением находить иные пути решения спорных вопросов.

Далее, в связи с первой «литовщиной» произведен анализ известий имеющих отношение к битве на Тростне, в результате был сделан вывод о том, что сражение было весьма масштабным по меркам своего времени, и вместо «сторожевого полка» Ольгерда встретило войско вполне внушительное. Итогом битвы был безоговорочный отказ великого князя от всех своих достижений и от поддержки союзников в тверском княжеском доме.

Ответные действия москвичей против Брянска, Смоленска, Твери свидетельствуют о том, что Москва не была жертвой литовской экспансии, как и центром объединения Руси.

Московско-тверское противоборство не обошлось без вмешательства не только Литвы, но и Орды. В 1370-1371 гг. военный спор переносится в Орду на суд Мамаю. С этого момента закладываются основы будущего конфликта Дмитрия Ивановича Московского и Мамаю. Кроме того, в результате поездок в Орду поменялся характер конфликта между московским и тверским князьями. В 1371 г. начинается борьба за великое княжение. При этом для Михаила Тверского ярлык не был самоцелью, скорее средством борьбы. Показательно, что в 1371-1372 гг. театром военных действий были земли, принадлежащие великокняжеской волости, в то время как собственно московские земли остались в неприкосновенности.

1372 г. показал сложность московско-литовско-тверских взаимоотношений. Ольгерд и Дмитрий пошли на заключение мира, и хотя судьба тверского князя в тексте оговаривается, сам он на заключение мира не пошел. Текст договора свидетельствует о том, что, несмотря на тактические военные успехи, Дмитрий Иванович не смог сохранить своих первоначальных позиций в пределах Северо-Восточной Руси. Дмитрий Московский потерял контроль над своим тверским соседом.

В патовой ситуации при отсутствии внешнего влияния князья – соперники зимой 1373-1374 гг. пошли на заключение мира, продлившегося, впрочем, недолго. В 1375 г. началась «тверская война», московского князя поддержало неожиданно большое количество князей, чьи интересы сошлись после нарушения баланса политических сил в регионе в 1370-х гг. Несмотря на то, что покровители Михаила Тверского очень слабо себя проявили в военной сфере в 1375 и 1376 гг. эта война не принесла московскому князю серьезных выгод, кроме отделения от Твери Кашинского удела. Дмитрий смог лишь свести к минимуму литовское влияние в регионе, рост которого он сам ранее и спровоцировал.

Второй раздел главы – «Русско-татарские отношения в период «замятни»: характер и результаты военных столкновений» посвящен периоду 1370-х – 1380-х гг., основной чертой которого стали взаимоотношения между московским князем и Мамаем. Попытка последнего играть на противоречиях московского и тверского князей привела к тому, что при первой возможности Дмитрий вышел из повиновения, воспользовавшись затруднительным положением своего бывшего господина.

Обострение московско-татарских отношений вскоре отразилось в военной сфере, где ордынский эмир был, очевидно, ослаблен войной с Урус-ханом. Характерно, что инициативу в вооруженных столкновениях прочно удерживал Дмитрий Московский.

Здесь, вероятно, сыграло свою роль и изменение образа татар в массовом сознании после первых побед над ними в 1360-х – 1370-х гг. Наряду с патриотическим пафосом в летописных повестях о битвах на Воже и на Дону подчеркивается слава победителей, бесчестие побежденных и «многая корысть».

Далее предпринимается анализ ряда вопросов, касающихся как Куликовской битвы, так и военной тактики в средневековой Руси в целом. Сомнения вызваны такими вопросами, как численность войск с обеих сторон, тактика, наличие сколь угодно многочисленного пешего войска и его серьезной роли в битве. В результате предлагается иной взгляд на военное искусство изучаемого периода и высказывается тезис о невозможности в полной мере реконструировать события Куликовской битвы.

Третий раздел второй главы – «Снижение военной активности. Относительная стабилизация политической системы великого Владимирского княжества», посвящен анализу результатов военной деятельности Дмитрия Ивановича и периоду правления Василия Дмитриевича – времени относительного спокойствия (1382-1425 гг.).

Победа на Дону привела русских князей к необходимости решения вопроса об отношениях с новым «царем»-чингизидом, что вылилось в поход Тохтамышша на Москву «изгоном» и восстановлением зависимости Северо-восточной Руси от Орды. Помимо этого пятнадцатилетний период войн сказался и на ситуации внутри великого Владимирского княжества.

Непосредственным результатом было ослабление власти великого князя. Это привело московского князя к необходимости в период 1382-1388 гг. совершать походы в соседние русские земли с целью восстановления своего авторитета, что, впрочем, он делал весьма энергично, перемежая силовые меры с дипломатическими ходами. Военные и дипломатические усилия привели к тому, что невзирая на неудачу, постигшую Москву в 1382 г. московский князь все-таки смог закрепить великое княжение за потомками Ивана Калиты.

Закрепление титула в качестве наследственного привело к снижению военной активности московских князей, поскольку основная цель была достигнута. Новые приобретения Василия Дмитриевича были сделаны практически без применения силы, но понадобилось приложить усилия, что бы их удержать.

Важным обстоятельством, влиявшим на ситуацию в регионе, были русско-литовские отношения на рубеже XIV-XV вв. Но даже эти конфликты не имели тенденции к эскалации, велись довольно вяло, причем на буферной территории – на землях верховских княжеств и в районе Вязьмы, только недавно присоединенной к Литовскому княжеству. Каждый из князей, казалось, старался не раздражать соперника сверх меры.

Помощь татар московскому князю в войне с Литвой в нач. XV в. дорого ему обошлась. Очевидно, не получив сколь-нибудь серьезной политической и материальной выгоды от вялотекущей войны правитель Орды Едигей решил компенсировать это обстоятельство подчинением своих русских союзников и грабежом их земель. На основании летописных источников можно сделать вывод о том, что его действия были спонтанными.

Не были безоблачными в это время и отношения с Новгородом. Республика проявила стремление к большей, чем обычно, независимости от великого князя и митрополита. Стремление это получило и яркое силовое, военное выражение. Против обыкновения новгородцы не прибегли к пассивной тактике обороны Торжка, а сами перешли в наступление на московских князей. Странно то, что летописи ничего не говорят об ответных действиях. Эти столкновения положили начало более серьезному обособлению Новгорода от великого Владимирского княжества в первой половине XV в.

В третьей главе исследования – «Династические войны в московском княжеском доме: причины, характер, результаты 1425-1462 гг.» рассматривается вопрос о причинах и характере династических войн и военных столкновений последующего периода до начала 60-х гг. XV в.

В первую очередь подчеркнут факт долгого латентного периода конфликта по вопросу о старшинстве в московской княжеской семье начавшийся вскоре после 1399 г., когда Юрий Дмитриевич перестает упоминаться в летописях.

В связи с изучением династических войн второй четверти XV в. особое внимание было уделено «мертвой грамоте» Дмитрия Ивановича и вопросу о принципах наследования старшинства в семье московских князей.

В результате сделано заключение о том, что в данный период русские князья в договорах выступали не от себя лично, а от имени большой семьи, включавшей в себя всех его сыновей, братьев и племянников, о чем свидетельствуют договорные грамоты. Следовательно, такая расширенная или большая семья выступала в качестве коллективного владельца определенных земель и прав. Из этого, как и из анализа случаев наследования старшинства в московском княжеском доме в XIV-XV вв., следует, что Юрий Дмитриевич, в отличие от племянника, Василия II, имел права на великое княжение, об этом же свидетельствует и летописное известие о деятельности в Орде Д.И. Всеволожского в 1431-1432 гг. Отсутствие же упоминания в духовной грамоте Дмитрия Ивановича о внуках (что является основным аргументом в пользу традиционного прочтения документа) может быть объяснено как несовершенством формуляра грамоты, так и отсутствием у князя Дмитрия стремления заглядывать так далеко вперед. Составленные позже духовные грамоты Владимира Серпуховского и Юрия Галицкого права внуков оговаривают.

Действительной проблемой (решенной Юрием Галицким в 1433 г.) была привязка Коломны к великому княжению. Сложившуюся ситуацию, как представляется, можно объяснить либо недалекновидностью великого князя, либо его попыткой избавить Москву от повторения участи Киева и Владимира, ставших общим, а потому – ничьим достоянием.

Как бы там ни было, Москва все-таки стала яблоком раздора между галицкой и коломенской ветвями московского княжеского дома.

Со смертью Василия I вопрос о старшинстве естественно обострился. Но говорить о начале активных военных действий не приходится. Обе стороны, кажется, не стремились к войне. Первые столкновения перемежались дипломатическими мис-

сиями, одна из которых и стала началом открытого спора о великом княжении. В результате, после обмена ударами спор был перенесен с поля боя на царский суд. Однако это не принесло Московскому княжеству мира.

Соперники не были довольны исходом суда и испытывали взаимное недоверие. О том, что напряженность сохранилась, говорит инцидент с поясом на свадьбе великого князя, породивший конфликт Василия II со старшими Юрьевичами, в дополнение к его соперничеству с их отцом. Характерно, что соперничество Василия Васильевича с галицким князем и конфликт с его детьми не связаны между собой. Об этом свидетельствует факт отдельного заключения мира с ними Василием II. Реакция младших детей Юрия на попытку вокняжения Василия Косого свидетельствует об отсутствии первоначально в качестве их цели великого княжения.

Тем более странно выглядит вялость Василия Васильевича, долгое время не пытавшегося оказать сколько-нибудь серьезное противодействие старшему сыну князя Юрия.

В исследовании обращено внимание и на отсутствие стремления у обеих сторон отнимать в случае победы удел соперника. Это свидетельствует о наличии у обеих сторон традиционных целей в династических войнах, отнюдь не предполагавших объединения Руси под чьей-либо властью.

После ослепления старшего сына Юрия Галицкого мир установился ненадолго. В начале 1440-х гг. Василий II по неизвестной причине нарушил мир, и едва сам не стал жертвой своей деятельности. С этого момента напряженность в отношениях между потомками Дмитрия Ивановича, очевидно не исчезала.

В 1444-1445 гг. Москве пришлось пережить ряд столкновений с Литвой и татарами, в течение которых младшие князья сохраняли лояльность великому. Так было до поражения великого князя в Суздальской битве в июле 1445 г., случившегося не столько по причине отсутствия Шемяки и царевича Бердедата на поле боя, сколько из-за неспособности Василия к руководству войсками.

Далее в работе рассматривается поведение различных слоев общества и разного рода причин, которые ставили под сомнение легитимность Василия Васильевича как великого князя. В результате сделан вывод о том, что политическое ослабление великого князя само по себе не могло еще спровоцировать войну за власть. Речь скорее шла об отсутствии у Василия Васильевича морального права на обладание старшим столом после поражения, плена, освобождения за грабительский выкуп и «знамений». До этого момента даже князья, ставшие соперниками Василия, были лояльны ему.

Анализ поведения представителей разных групп общества, описанного в летописях, позволяет согласиться с мыслью о неоднозначности позиций духовенства, аристократии, дворян в войне.

Возможность начать борьбу за возвращение власти Василию предоставило своего рода общественное мнение, под давлением которого Дмитрий Шемяка был вынужден выпустить своего соперника из заточения и дать ему удел.

Этого оказалось мало, и слепой князь был вынужден обратиться за помощью к Борису Александровичу Тверскому, отношения с которым были вероятнее всего далеки от дружеских. Тем не менее, между этими князьями было заключено взаимовыгодное соглашение. В результате такого поворота событий тверской князь в этот период играл определяющую роль в Северо-Восточной Руси в целом и на ключевых этапах борьбы с Шемякой в частности.

Сам конфликт в московской княжеской семье, кажется, не носил непримиримого характера. Победитель по-прежнему оставлял удел побежденному сопернику, Иван Можайский счел возможным примириться с великим князем в 1449 г. В тот же раз Дмитрий Шемяка не усомнился переехать через реку в лагерь Василия II для заключения мира, что могло, казалось бы, стоить ему свободы и глаз.

Если до 1449 г. инициатива чаще была на стороне противников Василия Васильевича, то после раскола коалиции она полностью перешла в руки великого князя. Поочередно последний избавился от Дмитрия Шемяки и его сына, от Ивана Можайского. Расправа с противниками (и союзниками) происходила после смерти главного врага, и очевидно осуществлялась в порядке степени их опасности.

Вновь на ситуации на Руси сказалось влияние татарского фактора. По крайней мере столкновение с татарами Сеид-Ахмеда явилось последствием конфликта Василия и Дмитрия.

В **заключении** подводятся итоги исследования.

Вся военная активность московских князей носила волнообразный характер. К силе или ее демонстрации они прибегали лишь в критических ситуациях реальных или предполагаемых. Военная активность возрастала в ситуации слабости или непрочности позиций московских князей и снижалась, когда позиции этой княжеской семьи были прочными. При этом их интересовали проблемы личного либо династического характера. В частности проявился мотив чести.

Войны были настолько тесно вписаны в картину мировосприятия, в образ жизни, в арсенал политической деятельности, что не отделяются в практике от дипломатических методов воздействия. В частности соперники прибегали к третейскому суду в качестве замены военным действиям. Сами же войны чаще всего не решали спорные вопросы, а лишь служили аргументом при переговорах.

Если дело доходило до прямого вооруженного столкновения, часто проявлялась свойственная московским князьям тенденция к ведению боевых действий на территории «третьих» княжеств.

В тактике преобладала склонность к демонстрации силы. Существовавшие способы ведения боевых действий отнюдь не предполагали сложного построения полков. По большей части военные действия были кратковременными и имели небольшие масштабы.

Обращает на себя внимание и тот факт, что силовые методы долгое время не приводили непосредственно ни к каким переменам в политической структуре, ни к территориальному объединению северо-восточных русских земель.

Тем не менее был получен ряд результатов, не все из которых имелись ввиду московскими князьями. Так титул «великий князь владимирский» получил реальное властное наполнение и стал достоянием одной семьи, что позже было закреплено «юридически», в значительной степени благодаря войнам.

С помощью военной силы или угрозы её применения, великие князья из московского дома в XV в. отсекали боковые линии от наследования великого княжения, чем создавали концентрацию власти в руках очень немногих представителей семьи.

Кроме того, династические войны второй четверти XV в. как часть внутрисемейного конфликта сыграли важную роль в сломе традиционных механизмов функционирования политической системы великого княжества Владимирского.

Таким образом, формирование основ будущего единого государства само по себе было побочным и далеко не обязательным продуктом династических войн XIV-XV вв.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ

Кинев С.Л. Восприятие войны в средневековой Руси (кон. XIII – сер. XV вв.) // V Общероссийская межвузовская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (23-26 апреля 2001 г.): Материалы конференции: В 5 т. Т. 4. История и правоведение, экономика, технология и предпринимательство. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2003. С. 31-35.

Кинев С.Л. К вопросу о традиции наследования великокняжеской власти на Руси в XIV-XV вв. // Феодалное общество: идеология, политика, культура. Материалы III всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – М.: МПГУ, 2002. С. 54-59.

Кинев С.Л. Московско-литовско-тверские войны 1367-1376 гг. в контексте политической ситуации на Руси и в Восточной Европе // Материалы XXXVIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История. Ч. 2. – Новосибирск: НГУ, 2000. С. 3-5.

Кинев С.Л. «Объединительная» политика московских князей: реальные цели и реальные результаты // Материалы научных конференций студентов и аспирантов исторического факультета ТГУ 1998-2001 гг. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 5-16.

Кинев С.Л. О характере политического противоборства Московского княжества с Литвой и Ордой в XIV в. // Материалы XXXVII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История. Ч. 2. – Новосибирск: НГУ, 1999. С. 3-4.